

— Глубокой ночью царит полная тишина, только на этой тёмной длинной улице обнажены мечи и натянуты луки, в противостоянии атмосфера напряжённая.

Дань Чао в монашеских одеждах, с чётками, с мечом Лунъюань за спиной, прямо смотрел на роскошную повозку и твёрдым голосом сказал:

— В глазах служителя культа все в мире равны, малый монах не знает, какого ранга ваша светлость, но ваша светлость мне действительно кажется знакомой, поэтому и осмелился просить сойти для встречи. Если за это полагается наказание, то малый монах готов принять его без обид...

Слова эти были сказаны без унижения и без заносчивости, и очень искренне — но именно из-за чрезмерной искренности, если вдуматься, это было похоже на то, как мужчина умоляет полюбившуюся женщину, и на мгновение все присутствующие почувствовали нелепость.

Внутри повозки Се Юнь, казалось, тоже нашёл это забавным, с усмешкой переспросил:

— Встретившись, значит, есть судьба?

Дань Чао ответил:

— Да.

— Судьба добрая или злая?

— ...

Дань Чао не ожидал, что он задаст такой вопрос, да ещё так быстро, на мгновение опешил.

— Если добрая судьба, то ладно, если злая, то нехорошо вовлекать служителя культа в преступление.

Се Юнь сделал паузу, затем громко сказал:

— Я думаю, лучше так — в третью стражу ночи не стоит устраивать происшествий, если действительно есть судьба, то встретимся в будущем. Ма Синь, в путь!

Ма Синь и другие уже не хотели затягивать, услышав это, немедленно ответил и собирался приказать вознице стегнуть кнутом. Однако, как только повозка собиралась тронуться, Дань Чао в порыве нетерпения шагнул вперёд и твёрдым голосом сказал:

— Ваша светлость, подождите...

Меч Лунъюань за его спиной всё это время слегка вибрировал, и теперь, когда он шагнул вперёд, напряг мышцы спины, пружина в ножнах из белой акульей кожи сжалась под давлением, и клинок внезапно выскочил!

Лязг!

— Звук драконьего рычания и меча долго не смолкал, при холодном блеске лица всех присутствующих резко изменились.

Служитель культа, преграждающий путь ночью, — это ещё куда ни шло, но посметь обнажить меч перед командиром стражи Се Юнем — это что, желание умереть или умереть? Ма Синю и

другим стражникам внутреннего двора даже не нужно было думать, они мгновенно бросились вперёд, обнажая мечи:

— Дерзкий!

— Стой!

— Кто такой, посмел напасть?!

Дань Чао крикнул:

— Подождите! — и одной рукой потянулся за спиной, чтобы схватить рукоять меча.

Он намеревался вернуть Лунъюань в ножны, но напряжённые стражники, увидев, как он протягивает руку, разве успели разглядеть, что он собирается делать? В мгновение ока Ма Синь метнул клинок, снежный свет стремительный, словно молния, весь его облик словно огромная птица рухнул с неба:

— Ты ищешь смерти...

Дзинь!

Металлический лязг оглушил всех, заставив уши онеметь!

Ма Синь застыл, длинный меч чуть не выпал из рук:

— Ко...мандир?

Меч рассеялся со свистом, поток воздуха на длинной улице замер, и между Ма Синем и Дань Чао, словно по воле духов, возникла фигура — Се Юнь.

Опускаясь рукава халата и полы одежды, Се Юнь встал перед Ма Синем, без выражения лица глядя прямо на Дань Чао, одной поднятой рукой используя наруч, чтобы заблокировать лезвие меча Лунъюань.

А лезвие было настолько мощным и острым, что, полностью пробив внутреннюю силу Се Юня, ещё и раскололо чёрный железный наруч на несколько частей, которые с лязгом упали на землю!

Зрачки Ма Синя сузились, холод пронзил сердца нескольких окружающих одновременно: такое божественное оружие, такой стремительный выпад — если бы Се Юнь не появился в решающий момент и не заблокировал, то сейчас самым лёгким исходом для Ма Синя наверняка был бы сломанный меч и ранение — ранение не страшно, но если стражника внутреннего двора на улице обезоружит слугитель культа, то это какой позор? Если разойдётся слух, всем будет неловко!

Ма Синь отступил на полшага, хрипло произнёс:

— Командир...

Се Юнь сделал вид, что не слышит, даже не обернулся.

Он не смотрел ни на кого, его безмятежный взгляд за серебряной маской лишь спокойно застыл на молодом и твёрдом лице слугителя культа.

А в глазах Дань Чао промелькнуло недоумение, лишь через мгновение он нерешительно вложил меч в ножны:

— ...Малый монах не намеренно, прошу вашу светлость...

Се Юнь не ответил, та рука, что блокировала меч, прямо протянулась вперёд и легла на плечо Дань Чао. Тот под чёрной монашеской одеждой был гораздо крепче сложен, однако в ладони Се Юня, казалось, хлынула чрезвычайно властная внутренняя сила, холодная, решительная, не допускающая возражений, и на виду у всех прижала Дань Чао, заставляя его сгибать колени, пока тот не рухнул на землю!

Бум.

Звук падения был очень тихим, но в то же время казался тяжёлым, словно тысячепудовая гиря, долго отзываясь в ушах присутствующих.

Се Юнь медленно произнёс:

— Похоже, между нами должна быть злая судьба.

Стража только тогда очнулась ото сна, поспешно захотела подойти и схватить человека, но Се Юнь одним взмахом руки остановил их:

— Отступите.

Стража не посмела произнести ни слова лишнего, после краткого обмена взглядами осторожно отступила на три чжана с лишним.

На улице из зелёного кирпича видно было, как Дань Чао стоит на коленях перед Се Юнем, но их удлинённые тени под бледным лунным светом перекрывались и сливались, создавая странную картину. Дань Чао слегка задышался, поднял взгляд на лицо Се Юня, смотрящего на него сверху вниз:

— Малый монах осмеливается... осмелюсь спросить, бывала ли ваша светлость несколько лет назад в Мобэе? Если вы действительно мой старый знакомый, не могли бы вы...

— В мире тысячи не желающих показывать своё истинное лицо, откуда ты знаешь, что я похож на твоего старого знакомого?

Дань Чао хотел что-то сказать, но остановился.

Се Юнь усмехнулся. Его лицо, скрытое холодной маской, в ночи было несколько пугающим, но эта усмешка была неторопливой, под лунным светом бледно-красные уголки губ неожиданно вызвали в сердце невыразимое чувство.

— Говорят, вступив на путь Будды, нужно очистить шесть корней, монах, ты же всё время помнишь о старом знакомом, боюсь, не слишком чист.

— ...

— Этот твой старый знакомый, не был ли он твоим прежним возлюбленным?

Никто не ожидал, что этот высокопоставленный придворный чиновник сможет так естественно отпускать легкомысленные намёки, Дань Чао тоже опешил, затем твёрдым голосом сказал:

— Ваша светлость шутите. Действительно, тот старый знакомый имеет для меня важное значение, но это никак не то, о чём вы говорите... Если уж спрашивать, то тот человек должен быть моим учителем.

— Только так?

— Именно так.

Се Юнь, словно охотник, загнавший зверя в тупик, с интересом обошёл Дань Чао кругом, во взгляде сквозь нескрываемое разглядывание. А Дань Чао стоял на коленях, глядя прямо перед собой, под лунным светом видно было его спокойное и открытое выражение лица, без тени вины или уклончивости.

— Тогда, — Се Юнь остановился, сзади наклонился к уху Дань Чао, уголки губ почти коснулись той крепкой шеи:

— ...почему же твой учитель тогда бросил тебя?

Тёплое дыхание, сокровенный смысл, но в конце, казалось, сквозила холодная насмешка и издевка.

Если бы не стоял достаточно близко, никто не заметил бы, как мускулистое тело монаха вдруг вздрогнуло.

— Шучу, не обращай внимания, маленький мастер.

Заметив, что Дань Чао, кажется, хочет что-то сказать, Се Юнь с улыбкой перебил его, поднялся и взглянул на стражу:

— Ночью ветер прохладный, не будем больше задерживаться. В повозке есть горячая вода? Налей маленькому мастеру чаю.

Подчинённые действовали быстро, немедленно отправились к повозке, взяли медный чайник, налили полную чашку горячего чая и осторожно поднесли. Се Юнь, стоя позади Дань Чао, одной рукой принял чай, другой же из рукава выскользнул белый бутон.

Подчинённый с острым зрением узнал тот самый чудесный цветок, что ранее украли из потайной комнаты семьи Лю, который, как говорили, сохраняет жизнь, восстанавливает и излечивает сотни ядов, и внутренне изумился, не зная, когда Се Юнь вытащил цветок из шкатулки и спрятал в руке.

Пока он ещё сомневался, увидел, как Се Юнь небрежно бросил цветок в горячий чай, с лёгким почти неслышным всплеском цветок мгновенно растворился в воде.

...!

Подчинённый изумился, но не посмел подать виду, лишь смотрел, как Се Юнь повернулся и протянул чай Дань Чао:

— Маленький мастер, прошу.

Дань Чао слегка замешкался, но Се Юнь, будучи придворным чиновником такого положения, ещё и с мягкими словами, вынудил его принять и одним глотком выпить.

Се Юнь спросил:

— Как на вкус?

Почему-то, когда он это говорил, казалось, был какой-то скрытый смысл, Дань Чао не понимал, осторожно ответил:

— Станный аромат.

— Знаешь, почему ароматный?

Дань Чао нахмурил густые брови.

— Потому что этот чай, когда я выходил из резиденции помощника министра Юя, его семья специально попросила популярную девушку из Золотого ласточкиного терема заварить для меня.

Се Юнь с улыбкой спросил:

— ...Монах, как тебе вкус аромата пудры главной куртизанки из публичного дома?

Этот человек и вправду неподражаем, перед служителем культа один за другим отпускает легкомысленные намёки, ещё и ведёт себя так естественно, словно так и должно быть, заставляя совершенно не понимать, то ли он свысока ни с чем не считается, то ли действительно по натуре ветрен и распушен, поэтому ничем не стесняется.

Шесть корней — в буддизме: шесть органов чувств (глаза, уши, нос, язык, тело, ум), которые являются источниками страданий. «Очистить шесть корней» означает избавиться от мирских желаний и привязанностей.

Примечание автора: Дикая история ранней династии Тан, между концом эры Чжэньгуань и приходом к власти императрицы У, в основном вымышленная, прошу не придирааться. В этой истории учитель и ученик, младший растёт, главный нападающий временно является служителем культа, впоследствии, возможно, вернётся к миру, затем прославится в одном бою и будет беспощадно убивать...

<http://bllate.org/book/15578/1387014>